

Разрешённый автор

Документ 1

(документ из корзины)

Разрешённый Автор Документ 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51833292

SelfPub; 2020

Аннотация

Если предположить, что история развивается циклично, а, точнее, по спирали, то начав со Слова, мир и закончится Словом на одном из витков своего существования. А вот какой словарь это Слово тогда зафиксирует?..

– Нет, ты только взгляни: какая прелесть! – восторженно воскликнула Аста, протягивая мне на ладони несколько глянцевого, коричневатого-розового комочков, по форме действительно напоминающих арахис.

– Терпеть их не могу, ты же знаешь, даже не показывай, – я отвернулась. – Я вообще боюсь пауков!

– Сама ты паук, – обиделась Аста и убрала своё сокровище в инкубатор.

– Ну, паучьи яйца. Ещё лучше. Извини, но, по-моему, лучше никаких животных в доме, чем вот это.

Мы сидели на синем пластиковом диване Асты, поджав под себя ноги и прихлёбывая полынный чай. Гостиная Асты никогда не казалась мне уютной, даже несмотря на то, что сестра вложила в дизайнерский проект кучу денег. Не люблю холодные цвета в доме, мне хватает холода на улице. А этот голубой ламинат и сам по себе не вызывает желания на него наступать, так ещё и по нему свободно перемещаются мохнатые восьмилпые страшилища, столь обожаемые моей сестрёнкой.

– Тебе стоит всё же найти себе кого-нибудь, а то ты скоро на людей бросаться начнёшь.

– Хорошо, – немедленно сдалась я. – Я согласна слушать про пауков, паучьи яйца и кормотараканов.

– Все мои арахнисы вибрируют и прячутся, когда ты приходишь, а ведь они очень дружелюбные.

– Сочувствую твоим гостям, – содрогнулась я.

– Послушай меня, дорогая, ты постоянно находишься одна в четырёх стенах, это нездорово, ты эмоционально нестабильна, – на колени к сестре медленно вскарабкался огромный круглый паучара, призванный изображать черепаху и неплохо бы с этим справлявшийся, если бы не токсичный жёлтый цвет. Аста машинально погладила его, и чудовище каким-то непостижимым образом изобразило удовольствие.

– Я бы навещала тебя чаще, если бы не твой зверинец, – я отвела глаза, потому что это зрелище отнюдь не умиляло меня.

– Домашние животные необходимы, они поддерживают гармонию и уют, к тому же приятно заботиться о ком-то. Мне повезло, что Сав достаточно зарабатывает, и я могу полностью посвятить себя разведению арахнисов.

– Кстати, твоего мужа не смущает такое количество? Ну, один-два ещё куда ни шло, а у тебя сколько уже?..

– Мы с ним как раз подумываем завести небольшую ферму. Думаю, моё хобби может принести неплохой доход. Всё же заказывать в фирме очень дорого, а я, возможно, тоже смогу поэкспериментировать с новыми видами.

– Да ты можешь взять просто размерами, они у тебя на редкость крупные. Не представляю, сколько вы тратите на кормотараканов...

Аста лукаво улыбнулась и, накручивая на кончик пальца пушистую каштановую прядь, намекнула:

– Может, ты всё же станешь моим первым клиентом?

– Ну нет, пусть они даже останутся последними живыми существами на земле...

– Рея, они уже предпоследние! А человеческой особи в твоём доме не наблюдается уже восемь лет. Ты работаешь удалённо, учишься удалённо, скачиваешь сигареты и музыку, даже читаешь то, что было написано десятки лет назад! Мне иногда кажется, что ты и пищевой картридж не заправляешь, а просто глотаешь биомассу в порошке.

Я, кстати, так и делаю, но сестре вовсе не обязательно об этом знать. Да и какая разница? Глотаю же. И потом я не чувствую себя несчастной или одинокой, но такие мелочи абсолютно не смущают готовую утешить и поддержать Асту. Мне хочется перевести разговор в другое русло:

– Так чем эти новые пауки отличаются от прежних? Я читала, что они серые, невзрачные и колючие. И зачем тебе такое счастье? Раскрашивать?

– Во-первых, это не пауки, а арахнисы... – упорно поправила меня Аста.

– То есть генномодифицированные пауки.

– Во-вторых, – она проигнорировала мою ремарку, – *Arachnida Spinosus* уникальны тем, что откладывают яйца прямо в человеческую плоть, им идеально подходит наша температура, и мы, таким образом, не просто создаём условия для зарождения новой жизни, мы носим её в себе.

– А потом?

– Они прогрызают кожу изнутри, а взрослая особь помо-

гает снаружи, наносится обезболивающее, а потом ранка заживает.

– Замечательно! Почему бы людям не начать заводить детей подобным способом?

– Я бы хотела, но ведь слишком много желающих будет. И у нас опять остро встанет проблема перенаселения... – Аста грустно опустила глаза на свой плоский живот, которому не суждено потерять прекрасную форму.

– Думаешь, много? А если провести опрос? Большинство элементарно испугается. И потом с ростом количества суицидов правительство всё равно ничего не может сделать, даже несмотря на распространение электронных психотропных. Мы вымерем, как кошки или мамонты. Может, стоит отслеживать статистику: сколько планируется детей из пробирки, сколько людей мечтают о естественных родах?

Аста смотрела в окно, жёлтый монстр выскользнул из её рук и отправился в неспешное путешествие через гостиную, но она даже не заметила. У людей часто бывает такой пустой взгляд. Такой же пустой, как улица. За окном только белый песок, белая пыль или белый снег, на вид они почти неотличимы. Стены домов нежно-розовые, терракотовые, лимонно-жёлтые, апельсиновые, коралловые – яркие, тёплые или карамельно-леденцовые цвета – всё, чтобы дарить людям позитивный настрой, всё для профилактики суицидов. Но эти дома как будто подвешены в белом пространстве, потому что земля, небо и воздух белы, и в них дымкой висят всё тот

же песок, пыль или снег. Может, поэтому люди продолжают прыгать с крыш немногих оставшихся высоток? Что не различают, где небо и где земля?

– Как думаешь, сделать цветные окна – хорошая идея? – внезапно оживилась Аста.

– Мне кажется, это намного лучше, чем вынашивать твоих арахнисов!

– Почему до этого никто не додумался? Можно же создать разноцветные картины на стекле!

– Вынуждена тебя огорчить: до витражей додумались за-долго до тебя, – саркастически заметила я и добавила. – Ты поосторожнее со своими колючими питомцами. Когда они там вылупятся?

– Сегодня, но этот... эксперимент... сразу его проводить нельзя.

– Надеюсь, я буду заглядывать, сообщу, когда что-то решишь.

– Обязательно, дорогая, до встречи.

Выйдя из дома Асты, я подняла воротник и раскрыла прозрачный пластиковый зонт, который до пояса защитил меня от вновь начавшегося снега. Снова равномерный унылый холод: не настолько холодно, чтобы надеть шапку, не настолько тепло, чтобы обойтись без неё. Я уныло брела домой по почти пустынной улице и думала об Аи Ной. Она улетела восемь лет назад вот также с крыши и оставила после себя пустоту и безнадёжность. И её не спасли бы ни раскрашенные

дома, ни разноцветные арахнисы... Тишина с хрустом разламывалась от моих шагов, как яичная скорлупа. И странно смотрелись на белом мои зелёные ботинки с красными шнурками. Цветами в одежде и интерьере люди мучительно пытаются заполнить растущее белое пространство. Белый должен распадаться на все цвета спектра, и только чёрный является отсутствием цвета, но все мы, живущие сейчас, знаем, что белое – это пустота.

Я вхожу в дом, где на стенах висят пёстрые веера, раскрашенные Аи Ной, скачиваю бокал вина. Мне не нужен его вкус, мне достаточно звука, поэтому даже не приходится заправлять картридж. Для меня играет виртуальный Моцарт, я впитываю каплю за каплей, звук за звуком и падаю на кровать, не раздеваясь.

Аста вытягивает стройные белые ноги, выразительно контрастирующие с глубокой синевой дивана, она в домашнем платье цвета вишнёвого киселя, чуть выющиеся волосы собраны в небрежный узел, из которого воинственно торчат два карандаша. Её лицо сияет. Она кладёт мою руку на своё бедро, и я ощущаю какое-то шевеление внутри. Мой желудок моментально скручивается, как будто его отжимают в стиральной машине. Какой кошмар, до какого ужаса могут додуматься люди, чтобы не сойти с ума...

– Больно? – спрашиваю я, подавляя желание отдернуть руку. Отвращение к тому, что моя сестра делает со своим те-

лом, написано у меня на лице.

– Больно, но терпимо. Человечество настолько отвыкло от того, чтобы испытывать боль, что это неестественно, не находишь? Это такое новое для меня ощущение, оно отрезвляет, и потом... я ведь сама выбрала.

Внезапно приходит мысль о том, что Аи Ной испытывала другую боль, гораздо более сильную. Если бы она могла отвлечься на вот такую, физическую, то, возможно, всё было бы иначе.

Я неотрывно смотрю, как отвратительная новая жизнь вибрирует под тонкой белой кожей. Серые пауки умеют прыгать, поэтому они в закрытом террариуме щетинятся острыми, как спицы, лапками. Мне кажется, что они там сталкиваются и позвякивают, хотя это невозможно.

– Ты могла бы написать о них статью или даже серию, сама ведь жалуешься на нехватку материала, – сестра неуверенно смотрела на меня.

– Об арахнисах пишут постоянно.

– О таких нет. И потом мало кто писал о том, что сейчас делаю я. А ты можешь взять интервью у очевидца.

– Убедительно. Можно мне тоже попробовать? – решаюсь я.

– Тебе ведь нужно сначала проконсультироваться с твоим врачом, обработать кожу... – начала Аста.

– Да ерунда всё это. Хочу поймать это твоё ощущение.

– Для статьи?

– Было бы честнее писать от первого лица, – улыбнулась я.

Мне представлялся звук, с которым ножницы режут настоящую бумагу. Я никогда его не слышала, но думала, что услышу, когда арахнис разрежет мою кожу. Так вот этого не было. Не было никаких звуков. Я даже не сразу поняла, что мне больно и что это моя кровь. Мой мозг оказался не готов к подобной информации. Он вспомнил Аи Ной в крови на белом песке, коралловый двухэтажный дом в снегу, мимо которого я недавно проходила, офисный документ с подчёркнутыми красным словами, и только потом сигнал о боли и тошнота от отвращения. Потом косметический пластырь на ранку, и Аста заботливо прячет серую тварь назад. Я смотрю, как она небрежно закрывает террариум, мне кажется, что крышка прилегает неплотно.

– Аста! Нельзя быть такой невнимательной!

– Они безопасны! не понимаю, почему они так пугают тебя. Я хочу сделать побольше, чтобы ощущения были острее, но сегодняшняя партия досталась тебе.

– Спасибо, – я стараюсь не думать о том, что у меня под кожей, но мне не по себе. Странное ощущение: мысль или слово летают в воздухе, а поймать не могу. Не могу сформулировать, но как будто я вот-вот что-то пойму, очень важное.

Я снова спешу домой, исчерчиваю следами улицу, как будто печатаю вордовский текст в только что созданном документе. По бокам вставлены разноцветные геометрические фигуры – дома. Замираю, думаю, может стереть только что

созданное, удалить паука, а ветер припудрит снегом мои следы. Но продолжаю идти, сохраняюсь, пусть будет как будет, это всего лишь материал для статьи.

Я работаю так долго и напряжённо, что приходится скачивать энергетик. На этот раз я заряжаю картридж более или менее подходящим материалом, потому что хочу почувствовать хоть какой-то вкус. Кажется, что неделю сидела на обезболивающем, кофеине и безвкусной биомассе. Смотрю на календарь и никак не соображу, сколько дней сижу над текстом. Отправляю статью редактору и плетусь в душ. Под кожей на ноге арахнис мечется, как котёнок на пульте управления, которого в детстве с Астой засовывали в пододеяльник. Собираюсь, чтобы навестить сестру, даже не предупреждая. Надо хоть заказать хорошего шоколада и... Маленькая серая спица пронзила кожу изнутри – арахнис стремился наружу.

К Асте я добиралась почти бегом, потому что маленькой твари требовалась помощь, а мне хотелось скорее избавиться от неё.

Казалось бы, кожа Аста была белоснежной, но она умудрилась ещё сильнее побледнеть за эти дни. Кое-где на руках и ногах был едва заметен косметический пластырь.

– Ну что ж, принимай пополнение, – я отдала ей нового маленького питомца. – Как ощущения? Не надоело играть в эти игры?

– Я хотела попробовать, и я сделала это. Теперь не отка-

залась бы куда-то их пристроить...

– В утилизатор, – с готовностью предложила я.

– Нет, они же живые, я не смогу...

– Я смогу. У меня от них мурашки по коже.

– Ты вечно что-нибудь выдумываешь про беззащитных зверюшек! Я сама разберусь.

В следующий раз я увидела Асту в каком-то полусне: незнакомые люди перемещались по её дому и что-то спрашивали. Да, она небрежно закрывала крышку, да, есть маленькие особи. Могла сама, а, может, чистая случайность. Слишком большая потеря крови? Да ведь она была уверена, что это безопасно. Какая теперь разница? Неужели сейчас так важно сказать правильное слово? Когда-то мир начинался со Слова. Что ж, возможно, словом он и закончится. Именно поэтому всё так напоминает мне страницу документа. И кто-то там, наверху, сейчас посмотрит на то, что у него получилось, махнет рукой и закроет, не сохранив.

В углу на корточках, раскачиваясь, сидит Сав с безучастным, непонимающим выражением лица. Почему с ним всё в порядке? Разве его плоть менее подходящая для кладки яиц? А я только смотрю, как по обнажённому белому телу Асты серыми буквами мечутся арахнисы, как будто подчёркнутые красным.